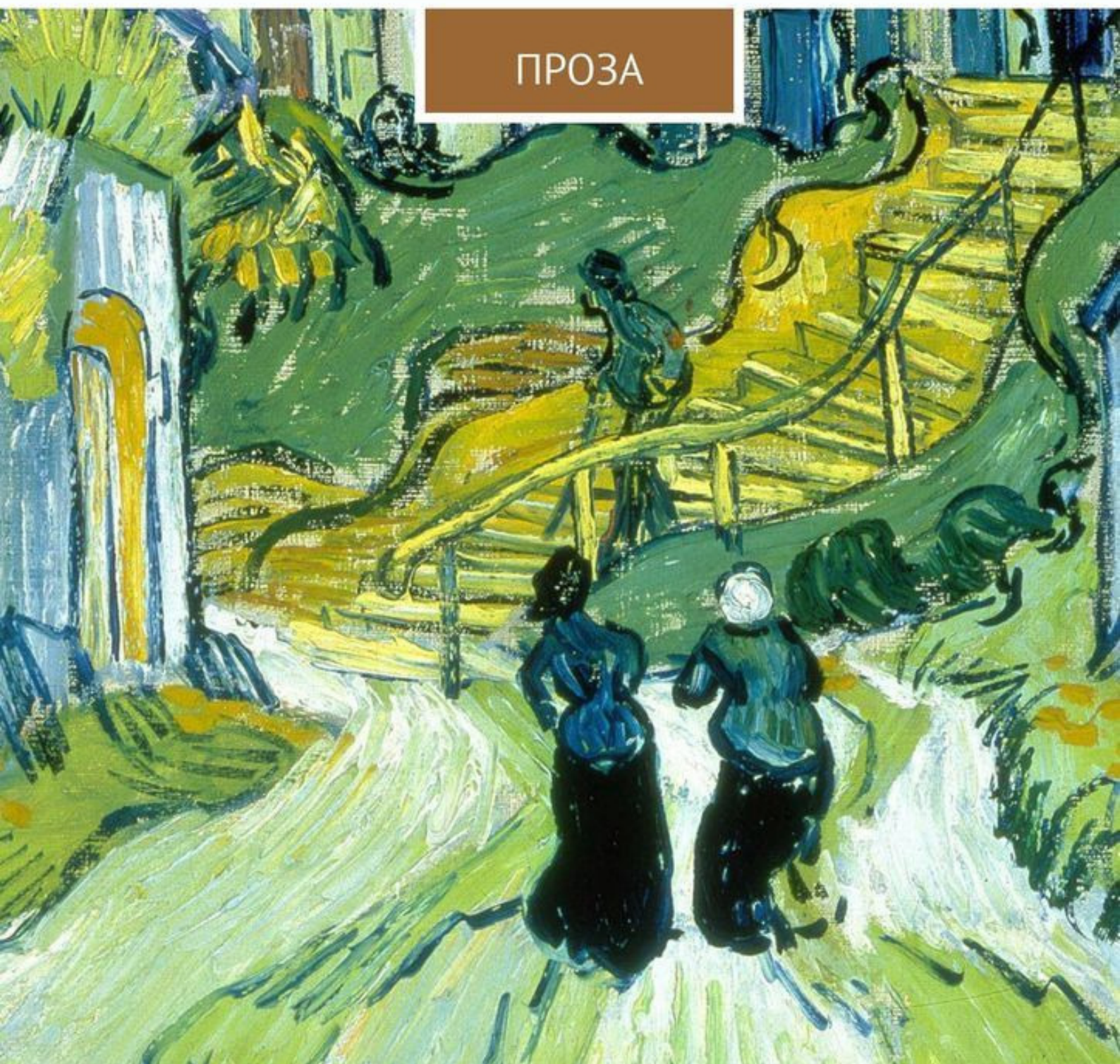

18+

АЛЕКСАНДР НЕПОСЕДА

Чайный аромат

ПРОЗА

Александр Непоседа

Чайный аромат. Проза

«Издательские решения»

Непоседа А.

Чайный аромат. Проза / А. Непоседа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745552-1

Приключения, романтика, любовь и верность. Прошное и настоящее в одном сборнике. Для всех читающих. Надеюсь, что откровенность является важнейшим, что есть в нас.

ISBN 978-5-44-745552-1

© Непоседа А.
© Издательские решения

Содержание

Чайный аромат	6
Финиковая косточка. 11 писем к любимой	20
unus	21
duo	22
tres	24
quattor	25
quinque	27
sex	29
septen	31
octo	33
novem	35
decen	36
undĕcim	38
Иноходец	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чайный аромат

Проза

Александр Непоседа

Читатель простит меня за игру фантазий, но я, приближенно к истории, воссоздаю то полотно, что мы разворачиваем сейчас, следуя течению времени. В конце концов, я и сам не знаю, где граничат реальность и выдумка.

С любовью. Ваш автор.

Иллюстратор Ирина Овсянникова

© Александр Непоседа, 2020

© Ирина Овсянникова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-5552-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чайный аромат

Мастерская Ирины Овсянниковой.

В тот жаркий средиземноморский июль я вез партию отличного индийского чая и специй, закупленных у венецианских купцов, в Ирландию. Судно было новое, крепкое, быстроходное и легкое на воде. Одномачтовый шлюп, имеющий штаг для кливера, позволяющий использовать боковой ветер. Такое парусное вооружение удобно при управлении одним человеком. Все в нем было сделано руками английских кораблестроителей, и потому добротно, удобно для морских переходов, в чем я уже не раз убедился.

В уютный южно – французский городок Сет мы зашли для пополнения запаса питьевой воды, а заодно проверить подводную часть руля. Экипаж мой состоял из двух человек, веселого и бесшабашного испанца Алоиза, совмещающего должности рулевого и кока. И умеющего абсолютно все по части бортовой и парусной оснастки, боцмана Крона, свитого из округлых мускул – с бронзовыми скулами и шеей – рослого шведа. Выполнив запланированное в течение первой половины дня, я дал им сутки отдыха и видел, как накупавшись в море, переодетые в чистую опрятную одежду они двинулись в прибрежную таверну.

Я снял небольшую комнату с видом из окна на пристань, решив выспаться в эту ночь, слушая шум волн, но – не испытывая качки. Хозяин приказал подать мне обед; бургундское вино, сыр, зелень, отличный свиной окорок.

Расположившись за широким, грубо сколоченным дубовым столом на первом этаже, в углу тускло отливалась бронза над камином, плескались на окнах невесомые кружевные занавески, белые гребешки волн весело мчались в закатном солнце, доносились звуки шарманки, голоса гуляющих по пристани, утолив голод, потянулся за трубкой и табаком, лежащими рядом на столе, как распахнулась дверь и легко, словно дуновение утреннего бриза, вошла невысокая, стройная девушка, с широкополою шляпой в изящной руке, с небольшим кожаным саквояжем в другой и звонко крикнула хозяина.

Платье было ей к лицу, а маленькие чистые башмачки говорили мне о том, что их владелица решила отправиться в путь. Вышел хозяин, улыбнулся ей – она, скользнув по мне взглядом, начала что – то горячо шептать ему.

Я набил трубку, разжег, и молча, с восхищением, любовался вошедшей, ее изящностью, милым поворотом головы. Сквозь клубы дыма видел ее профиль, забранные в большой узел волосы на затылке, блеснувшую на шее цепочку. Весь ее порыв, нетерпеливость, вызывали у меня душевное беспокойство, в тот миг я и не предполагал, что этот вечер был лишь началом загадочных событий и наших приключений.

Когда уже стемнело, я вышел к причалу проверить швартовку своего шлюпа. Слева, пробывая даль лучом, кружась, бросал на волны свой свет высокий маяк с вершины каменистой конусной башни. Небо стремительно темнело, ветерок с моря мягко бил мне в лицо, и я внезапно услышал за спиной дробь каблучков, обернулся и снова увидел эту прекрасную незнакомку, спешившую ко мне.

– Простите, Вы могли бы выслушать меня? Мне необходима Ваша помощь!

Прогуливаясь от маяка до отеля и обратно, я внимал ее голосу, бретонскому языку, присущему северу Франции, проникаясь желанием выручить Джеми из создавшейся ситуации.

Впрочем, послушайте сами.

– Я три дня назад добралась в Сет из Марселя. Извините меня, я очень волнуюсь и ужасно боюсь.

– Успокойтесь. И начните с самого начала. Судя по выговору, вы родились не в Марселе.

– Да, спасибо. Пожалуй, действительно необходимо рассказать все по порядку.

И она, все также торопливо, сбивчиво – начала свое повествование.

– Родом я из Сен – Назера. Отец редко бывал дома, и воспитывала меня мать, но когда мне исполнилось девять – после ее внезапной смерти – жила у дяди Пьера, подружившись с его дочерью Луизой, моей ровесницей и младшим братом Бернаром.

Дядя владел виноградниками и производством вина. Поэтому нам всем троим, доставалось работать с лозой и мотыжить землю, подвязывать тяжелые созревающие грозди, и топтать созревшие ягоды в огромных чанах, проваливаясь по колено в золотистом ароматном соке. И помню, как отец обронил в разговоре со мной, что его родной брат – слуга Бахуса, и, погладив меня по голове, добавил, а ты Джеми – дьяволенок. Лишь в восемнадцатилетнем возрасте папа привел меня в наш дом. Предоставив мне все хлопоты по хозяйству и ведению дел. Ему принадлежали две торговых бригадины и небольшой док для ремонта обшивки судов. Убедившись в моем усердии, через год, обнаружив порядок в отчетности и чистоту в доме, он принял решение взять меня с собой для торгового рейса в Америку.

И эти дни были самыми радостными и счастливыми для меня.

Я часто вспоминаю день нашего отплытия. Яркое утро плавилось над пологими волнами, огромная толпа людей провожала нас, крики, прощальные взмахи рук, завистливые глаза моих подружек, запах моря, водорослей, гул ветра в вершинах мачт, крики чаек, стремительный уход палубы из под ног во время разворота и наконец – выход из бухты в открытый безбрежный океан.

Это был мой сон! Гудящие, выгнутые ветром паруса, серебристая водная рябь, бело – пенный бурун за кормой, легкая дрожь всего корабля, веселый скрип снастей, гулкое хлопанье

волны под носом бригаантины – не отпускали меня долгие годы, вернувшись теперь явью. И я никак не хотела уходить с палубы, пока отец не взял меня за руку, чтобы отвести пообедать.

В то злосчастное утро, когда я еще спала, стук в дверь и голос отца заставили меня проснуться.

– Джеми, доченька! Я запру твою каюту снаружи! Пираты! Мы будем сражаться! Ничего не бойся и никто не тронет тебя!

Я услышала звук запираемого замка, быстрые шаги, потом бешеный топот по палубе, крики, металлический скрежет и лязг клинков, выстрелы, стоны, тяжелые удары в борт нашей бригаантины. Замерев от ужаса, я сидела на постели боясь пошевелиться. Через какое – то время раздался шум и восклицания на английском языке, я только поняла команду – «Осмотреть все!»

Словно очнувшись, я мгновенно оделась, обула башмачки, и только я прибрала свои волосы, как дверь распахнулась – и вошел чернобородый, с черным платком, завязанным на шее, в высоких ботфортах, Гран.

– Джеми! Малышка, твой дядя желает видеть тебя!

Он схватил меня за руку и потащил за собой, оказавшись на палубе, увидела своего бедного отца висевшего на рее фок-мачты и потеряла сознание.

Очнулась я в тесной, полутемной каюте, на топчане. Под потолком покачивался тусклый фонарь, дверь оказалась заперта, в углу стоял кувшин с водой, рядом лежало чистое полотенце. Сотни вопросов мучили меня. Куда мы идем? Что с бригаантиной и отцом? Почему дядя? Откуда здесь Гран? Тот самый Гран, так часто навещавший дядю в его доме. Вдвоем они играли в кости. Сидя напротив друг друга, жадно глядя на выпавшие из кулака камни, набычившись – считая монеты. Гран всегда вскидывал вверх руки и тряс плотно сомкнутыми ладонями, откуда был слышен быстрый перестук камушек. Неужели они тогда задумали свое черное дело? Все это походило на сговор. Только вот мой дядя не вписывался в этот рисунок никак.

Умывшись, я вдруг поняла, насколько сейчас одинока, незащищена и – расплакалась. Дверь распахнулась, и я увидела своего дядю Пьера, за его плечом усмехался Гран.

– Джеми! Извини за перемену в твоей жизни. Обстоятельства требуют твоей подписи вот на этой бумаге.

Дядя протянул мне лист, и я прочла, что право собственности на владение торговой компании моего отца завещано мне, и ниже – где я отказываюсь от всех прав в связи с отъездом в Америку. Оформлено нотариусом в Сен-Назере. Подпись и сургучная печать.

– Негодяй! Ты убил моего отца, и требуешь подписи? Прочь!

И тут же упала на топчан от удара Грана. Лицо мое пылало, левую щеку обволакивало жгучей болью, я почувствовала солоноватый привкус на губах.

– Хватит, Гран! Она все поняла! Дадим ей время на размышление. А потом доставишь ее в Марокко, продашь работоторговцам, которые и доведут эту красотку до Америки!

И они захохотали!

Дверь захлопнулась, и слезы, слезы душили меня...

Я взглянул на нее, заметив слезы на глазах. Взял ее руку.

– Джеми! Вы, наверное, голодны? Пойдемте со мной, поужинаем вместе. И там Вы скажете, что было дальше. Хорошо?

Она улыбнулась.

– Спасибо Вам. Идемте, я действительно устала и голодна.

Когда мы расположились за столом, и я распорядился подать нам ужин. Хозяин принес нам овощи и зелень, два великолепных жареных цыпленка, кувшин розового вина. И мы с Джеми принялись молча уплетать – она несколько раз пыталась продолжить свою историю злоключений, но я прикладывал палец к губам и – Джеми понимающе кивала головой. После этого я проводил ее на свой шлюп, открыл свою тесную, но уютную каюту, объяснил что, где и как, и пожелал спокойной ночи.

Поднялся на палубу, огляделся.

Городок уже спал, тепло светились окна таверны, и маяк пронизывал черноту ночи. Крон нес вахту, положив руки на леер, курил трубку. Я рассказал ему о нашей гостье, попросил передать это Алоизу при смене вахты в 4 часа после полуночи и отправился спать. Раскрыв настежь окно в своей комнате, долго лежал, слушал шум моря и думал о Джеми.

Никогда не было во мне столько сочувствия, столько желания поддержать, помочь, защитить от недругов эту хрупкую женщину. И вспоминал ее слова, сказанные в моей каюте.

– В Марокко мне удалось бежать. Трое суток я пряталась среди камней на берегу, чуть не умерла от жажды, с собой была только небольшая керамическая фляга, спасшая мне жизнь. На четвертые сутки я пошла в порт Эль – Хосейма, меня взяли на работу в маленькой французской таверне, и через неделю, узнав, что отдохавшие в таверне моряки идут завтра в Марсель, попросилась уйти с ними. Так я оказалась в Марселе. В первый же вечер, на улице ведущей от порта в город я увидела Грана, издалека заметив его черную бороду – и юркнула в узкий переулок. Негодяй не заметил меня. А мне ничего не оставалось делать, как покинуть и этот город.

– Джеми! Вы поставили свою подпись на той бумаге?

– У меня не было выбора! Дядя сказал, что отдаст меня на ночь Грану! Я выбрала подпись.

Видимо на этих воспоминаниях я и заснул. Настойчивый и быстрый стук в дверь выхватил из сна в самый горячий миг – мы с Джеми ехали в повозке, я целовал ее руки, и она вдруг потянулась ко мне губами. Чертыхнувшись, я вскочил, накинул камзол и отворил дверь. Увидел Алоиза, его глаза возбужденно пылали.

– Он только что умчался верхом в Агд!

– Да кто? Черт тебя возьми. Будишь на заре и говоришь загадками!

Испанец не смутился, потер ладонью о ладонь.

– Идемте, я все расскажу!

Мы вышли с ним на пристань. Рассветало. Носились чайки, заполняя своими криками просоленный воздух, у причала покачивались корабли с оголенными мачтами от свернутых парусов, над водой белесыми клоками плавал туман. Поднявшись на шлюп, прошли на корму, я набил трубку табаком, долго раскуривал ее и только тогда позволил Алоизу продолжить.

– Крон сдал мне вахту, а я долго бродил по палубе, разгоняя сон. Потом заварил себе крепкий чай и пил, сидя на палубе, привалившись к борту. Он трижды прошел мимо, кося взглядом на наше судно, клянусь, что он знает о нашей гостье, а затем ушел к маяку, о чем-то говорил со смотрителем этого ночного фонаря. Потом сел на приведенного мальчиком коня и поскакал в Агд.

– И кто этот загадочный господин? Ты разглядел его? И как ты узнал, что именно в Агд?

– Пока я подбирался к маяку, он уже скрылся за поворотом, но я успел услышать, как смотритель говорил мальчишке, что до Агда нужно было взять подороже.

Испанец улыбнулся, потом изобразил выражение лица зрителя при этих словах, и добавил.

– Как его не запомнить? Конечно! Он ловок, крепкий, чернобород, настоящий сорвиголова.

– Так! Вот что, славный сын Испании! Поднимай Крона! Выходим через час. Завтракать будем в пути. Я рассчитаюсь с хозяином, соберусь и вернусь. Девушка пусть спит. Ни слова ей о ночном госте! Она и так слишком напугана. Этот Гран преследует ее уже несколько дней, и, заметь, идет в верном направлении. Потому надо уйти без шума, крадучись как кошка по теплой крыше.

Постучав в дверь, я присел за столом, пытаюсь угадать ход появившегося в моей жизни противника. Вышел заспанный хозяин, и я попросил присесть его напротив.

– Вас знаком человек по имени Гран?

Лицо его застыло, глаза сузились, рука дрогнула, и он убрал ее со стола, чтобы не показать своего страха.

– Он был здесь!

– Когда?

– До Вашего появления. Потом исчез.

– Дело в том, что он покинул Сет сегодня на заре.

– Я ничего не знаю, господин! Клянусь! Это страшный человек! Он связан с пиратами Атлантики, у них где-то прячутся суда в испанских бухтах.

– Хорошо! Вы мне ничего не говорили, а я ни о чем не расспрашивал!

Рассчитавшись монетами, я поспешил на шлюп. Мой экипаж уже ждал на палубе, Крон попыхивал свой трубкой, а Алоиз помчался отдавать швартовы. Подняв основной парус, мы бесшумно выскользнули в море. Солнце высветило уходящий от нас берег, отличный тугой ветер погнал нас к Гибралтарским воротам, но перед этим предстояло обогнуть Испанию, пройти мимо бесчисленных бухт, хранивших сейчас серьезную опасность. Встав за руль, я отправил Алоиза на камбуз, Крона попросил привести порядок на палубе – и работа закипела. Шлюп легко бежал по водной глади, судя по буруну за кормой, мы шли не менее 12 узлов.

Крон уже плескал воду на промытую палубу, с камбуза потягивало чем-то вкусным, как в это время я заметил впереди появившиеся паруса, прямо по нашему курсу. Корабль шел галсами, кладя корпус то вправо, то влево – практика хождения при боковом и встречном ветре. Я мгновенно представил слаженность команды – это требует определенной выучки – чуть позже разглядел через подзорную трубу флаг испанского королевского флота и, обрадовавшись хорошему началу дня, скомандовал Крону.

– Бегом на завтрак! Потом встанешь к рулю! Алоиза с сигнальными флажками – наверх!

Крон бросился в камбуз, появилась кудрявая голова Алоиза, и вот он уже пробежал к рундуку, укрытому парусиной, где лежит его «сигнальный алфавит» – так он прозвал флажки для связи на море.

Расстояние между судами сокращалось, я уже ясно видел его, а при поворотах – квадратные окна пушечных бойниц. Смотрелся он впечатляюще: трехпалубный восьмидесяти пушечный галеон «Жан Баптиста».

– Алоиз! Передавай! Просим лечь в дрейф! Есть важное сообщение! Опасность!

Испанец встал на носу шлюпа, вскинул руки и начал отчаянно жестикулировать. С палубы галеона взлетели вверх два вымпела: желтое перекрестие на красном и белый крест на синем поле, что означало

– «Принято» и «Я прекратил движение». На галеоне быстро сворачивали паруса, ложились в дрейф.

– Крон! Рулевым! Подходим не ближе 10 саженей. Алоиз к парусу! Все внимание!

Я бросился вниз, открыл свою каюту, Джеми еще спала, осторожно ступая, взял свой камзол, шляпу и вышел.

Мы сближались. Вырастали на глазах борта галеона, высокие мачты и зловещие жерла пушек, сверкающие в солнечных лучах.

– Лечь в дрейф! Убрать паруса!

За свою команду я был спокоен, знал, что все сделают как надо. Нашел взглядом капитана испанского судна, снял свою шляпу и поприветствовал его, в ответ он проделал то же самое.

– Добрый день капитан!

– Приветствую Вас!

– Мы идем из Сета, простояли там сутки по необходимости! Сегодня утром оттуда же ушел человек связанный с пиратами Атлантики. Их суда прячутся где то поблизости!

– Мы их разыскиваем! Два дня назад они разграбили торговое судно недалеко от Барселоны!

– Тот человек из Сета отправился в Агд! Возможно, это Вам подскажет что – нибудь?

– Обычная уловка бандитов! Во Франции они распускают слухи, что прячутся на берегах Испании, а у нас – во Франции. В действительности, все сложнее! Негодяи используют голубиную почту, в крупных портах отслеживают погрузку судов и сообщают таким образом пиратским командам. Это охотники за крупной дичью! Ваш шлюп для них не представляет интереса. Доброго Вам пути!

Возможно, капитан был и прав! Но – Джеми! Сказать ли ему об этом?

– Капитан! У меня к Вам просьба! Возьмите под свою защиту девушку! Она француженка, и ей угрожает опасность! Отец убит, теперь разыскивают ее. Тот человек, усакавший сегодня на заре в Агд, идет за нею следом. И он видел наш шлюп!

– Принято! Готовьте ее к подъему на борт! Боцман! Спустить шлюпку! Возьмем гостью!

– Спасибо, капитан! Через месяц я буду в Барселоне и заберу ее! В долгу не останусь!

Я бросился в каюту, Джеми уже причесывала волосы, свежая, ослепительно красивая.

– Джеми! Пойдем со мной! Теперь тебя берет под защиту испанский королевский флот! Ничего не бойся, через месяц я вернусь за тобой! Возьми вот эти деньги и передай их капитану!

Она непонимающе смотрела на меня лишь мгновение, потом высветлилась, улыбнулась, и протянула мне руку, которую я не смог не поцеловать.

Мы поднялись на палубу. Крон уже стоял в шлюпке, где сидели на веслах два матроса, принял Джеми на руки и аккуратно опустил на сиденье. Сам же ухватившись за борт, подтянулся и встал со мною рядом. Шлюпка резко развернулась и стремительно полетела к борту галеона. Матросы завели концы, заскрипели тали лебедек – и шлюпка поплыла вверх, и через минуту Джеми уже стояла на высокой палубе.

– Свистать всех наверх! Поднять паруса! Курс прежний!

По палубе застучали башмаки матросов, разворачиваемые паруса захлопали радостным предчувствием полета, галеон дрогнул и плавно пошел в сторону солнца. Джеми махала мне рукой, а я, сняв шляпу, слушал, как гулко стучит мое сердце.

На выходе из Гибралтарских ворот мы попали в великолепный шторм. Атлантика показывала свой крутой нрав. Под серым тяжелым небом качался океан, ветер заворачивал осле-

пительно белые барашки на гребнях волн, пахло ледяной свежестью. Свернув паруса, мы втроем налегали на руль, не давая волне ударить в скулу. Я время от времени набивал трубки табаком, разжигал, одну давал Крону, вторую оставлял себе. Алоиз не курил, и улыбался нашей привычке. За этим занятием мы провели полдня.

Шторм угас постепенно, успокаивая свое дыхание. Отправив Алоиза приготовить сытный обед, подняв паруса и приказав Крону отдохнуть, взял курс на север. Справа, вдали виднелся португальский берег. На глади океана выписывались фантастические рисунки, зеркальные участки перемежались изумрудной мелкой волной, из – за туч выглянуло солнце, ветер дул ровным мягким потоком. Попутный нам, с Божьей помощью. Чувство тревоги не покидало меня. И мысли снова возвращались к Джеми.

– Обед готов, капитан!

Алоиз сверкал белозубой улыбкой. Я попросил позвать в камбуз Крона, закрепил руль, спустился в каюту, увидел примятую спящей Джеми постель, вынул из рундука тяжелую бутылку вина и поспешил к экипажу. На столе дымилась горячая похлебка с кусками мяса, нарезанный толстыми кусками хлеб, покрытый пластами сыра. Расселись тесно.

– Алоиз! Кружки!

Наполнил до краев внушительные кружки ароматным вином. Испанец разливал похлебку по чашкам, раскладывал ложки.

– Да храни нас Святая Мария!

Выпили дружно и принялись за обед.

– Существует опасность, кабальеро!

Я, насытившись, откинулся к спинке дубовой лавки, закулив, в сладкой истоме, разлившейся по усталому телу, обратился к своим друзьям.

– Они приложат все усилия, чтобы перехватить нас в пути! Гран уверен, что Джеми на нашем судне! Извините меня, что втянул вас в эту смертельную игру. Давайте все обсудим прямо сейчас. Просто я думаю, что трое мужчин могут постоять за женщину!

– Капитан! Мы знакомы не первый год. Я верю, что Вы поступили правильно!

Алоиз взволнованно произносил эти слова, и щеки его пламенели. Крон долго раскуривал трубку, пускал кольца дыма, любуясь ими. Улыбался чему-то далекому.

– Капитан! За такую девушку хоть в пасть дьявола, хоть на бордаж с чертями!

За что я люблю свой экипаж!? С этой минуты началась наша бортовая жизнь по графику. Вахта по четыре часа, меняя друг друга, имея право поднять всю команду по тревоге в любое время. Исполняя функции кока и рулевого в свой отрезок времени. Я проваливался в сон, лишь только коснувшись подушки, все еще хранящей тонкий обворожительный запах Джеми.

Но они все – таки просчитали нас! И это не было случайностью. На выходе из Бийскайского залива, там, где острым выступом выделяется городок Пенмарш, смотрящий своими сбегаящими вниз улицами – в Кельтское море, к нам наперерез направился корабль. Крон поднял нас ударами рынды. В рассветной мгле я различил прекрасный фрегат, обладающий хорошим ходом и маневренностью. Несмотря на сильный боковой ветер, ложась в долгие галсы и искусно выполняя повороты, он приближался словно мираж. Взметнулось облако дыма на его палубе – и перед носом нашего шлюпа хлопнулось в воду тяжелое ядро.

– Свернуть паруса! Лечь в дрейф!

Скомандовав своему экипажу, я бросился за подозрительной трубой. В чернеющем круге, увеличенном линзами и зеркалами, четко разглядел разношерстную команду пиратов.

Шли без флагов, вымпелов и других опознавательных знаков. В пол – кабельтовых от нас фрегат лег в дрейф, загремела лебедка, спускающая на воду шлюпку с шестью головорезами в ней, и только она коснулась морской поверхности – концы веревок были отброшены – раздалась зычная команда, и шлюпка ринулась к нам.

Алоиз и Крон, вооруженные палашами, и с мушкетами в левой руке – выжидающе замерли у борта. И в этот самый миг я увидел предводителя пиратского судна, он стоял ближе к носу корабля и с равнодушием наблюдал за действиями своих подчиненных.

Я взглянул на него через свою трубу, увидел совсем близко глаза, бритое лицо и обомлел.
– Матис!!!

Восторженно заорал я во всю глотку.

– Матис! Брат мой! Ты жив?

Он дрогнул, поднял свою подзорную трубу, я снял шляпу и раскинул руки.

– Бог мой! Арман?! Арман, черт тебя дери!!! Он помахал мне и, свистнув, что – то быстро сказал, обернувшись назад. С палубы ударил выстрел, шлюпка была остановлена и возвращена к борту фрегата. В нее спустился Матис, и двое матросов рванули весла.

Так я, после трех лет неизвестности, мучительных поисков, сомнений, догадок и предположений – в открытом море встретил своего брата.

Через час мы уже знали все друг о друге. Запершись в моей каюте, крепко обнялись, я разлил вино в серебряные высокие стаканы, выпили и – говорили без умолку.

Три года... Мы учились с ним в марсельской школе мореходства, отец отправил сначала меня, а через год приехал Матис. Он сразу освоил навигационные приборы, карты, лоции – без этого невозможно было представить мореплавание. По вечерам пропадал в портовых кабаках, завел десятки друзей и подружек, и я уже подумывал поговорить с ним о непристойном поведении и о проявленном к нему интересе полиции, как он внезапно исчез. Написав об этом в Париж, отцу и матери, я разыскивал его по городу и в порту, расспрашивал общих знакомых, обошел все кабаки на побережье Марселя – он как в воду канул. Теперь передо мной сидел возмужавший, загорелый, состоявшийся моряк. Дорогие перстни на тонких пальцах, рубиновый амулет на крепкой груди.

– Прости, Арман! Прости меня за то исчезновение. Помнишь?

Он вынул из кармана сложенный, истертый от долгого времени листок бумаги, протянул мне – «счастливые времена должны вернуться, законы мои будут управлять Францией, настоящее – ручается мне за счастливое будущее». Это было посланием, переписанным многими в те годы. Собрания масонов переживали свой бурный расцвет, что и вызвало полицейские гонения. Отец мне сообщал об этом. В Париже полиция взялась за владельцев гостиниц и ресторанов. Выходит – я проглядел своего младшего брата.

– Они пришли за нами прямо в кабачок! Стали выводить всех на улицу и сажать в тюремную карету. Я оттолкнул полицейского, вышиб окно и бежал! Всю ночь я скрывался в порту, а утром, с торговцами отправился в Америку. Пираты перехватили нас недалеко от Гибралтара. Приблизившись, сшибли пушечным выстрелом фок-мачту и предложили сдаться. Перепуганный возникшим пожаром на палубе, капитан – выкинул белый флаг. Бородатый флибустьер, стоявший на борту корабля особняком от шайки разбойников, увидев меня в форме гардештандарта, прокричал им.

– Ведите этого юношу ко мне! И сдувайте пылинки при этом! Мне нужен лоцман!

Так я оказался среди них. Домой возвратиться было нельзя, Америка – за океаном, и я принял решение. Через год нами был захвачен фрегат, и меня назначили на нем капитаном. Это были опасные и интересные времена. Пираты уходили через Атлантику в Карибское море. Там тысячи островов с укромными бухтами.

– Матис! Но как ты узнал о нашем следовании?

– Голубь, Арман! Голубь добрался до нас быстрее, чем ты обогнул Пиренейский полуостров. Он доставил нам сообщение о твоём выходе из Сет, и что курс ты держишь в Ирландию. Далее было не трудно вычислить.

– Получается, что Гран переиграл меня?

– Да! Он сделал обманный ход, ты – ответил. Он дождался твоего выхода в море и отпустил голубя на волю! Но он и меня обманул! Девушки на борту не оказалось! В чем я лично убедился. Поэтому он ответит жизнью. Тем более я сейчас знаю, что случилось в действительности. Мне же он сообщил, что при побеге она выкрала карты с обозначением скрытых бухт для флибустьеров на средиземноморье. Ложь не прощается!

– Скажи мне, Матис! Это особенные голуби?

– О! Эти птицы стоят больших денег! И это, Арман, вовсе не те голуби, жирные и ленивые, прыгающие по городским площадям. Воспитанием почтовых голубей занимаются баски. Приучают их к определенному нами месту, проводят несколько пробных полетов и дело сделано! Наш осведомитель привозит его с собой в любой крупный порт, станет кормить его и поить, собирать сведения о погрузке и предстоящем рейсе, и однажды выпустит птицу!

Смотри чаще в небо, Арман! Когда нибудь ты увидишь одинокого голубя, мчащегося строго по прямой линии, словно выпущенная из лука стрела. Вот он – посланник чьей-то гибели и чьей-то наживы!

– Хорошо! В Европе вы решили таким способом. Но как вам удастся общаться с пиратами Атлантики?

– И это – просто! За сутки до выхода судна из порта команда флибустьеров получает сообщение о пункте назначения жертвы. Выходят в Атлантику и ожидают там. Если караван идет под прикрытием военных кораблей, тогда разбойники следуют на Карибы и поднимают всех для открытого боя.

Это большая игра, Арман! Кровавая, большая игра! И еще. Хочу сказать тебе. Не ищи справедливости в законе. Ищи ее в своем сердце. Помни, только ты сам можешь восстановить справедливость! Силой, умом, с риском для жизни. Это я тебе о Джеми. И давай прощаться!

– Куда ты сейчас?

– Отдыхать! Есть тут неподалеку уютное гнездышко. Хотя становится все сложнее. Англичане и испанцы выжимают нас с европейского побережья. И те, и другие порой договариваются о взаимодействии с нами, используя наше бесстрашие в противостоянии флотов.

– Вы помогаете и англичанам и испанцам, Матис?

– О! Если бы все было иначе, мы бы давно ушли на Карибы! Я устал, Арман, мне уже все наскучило! Вся эта грязная возня, предательство, подкуп. Люди, Арман забывают о чести, когда речь идет о золоте! Давай еще выпьем вина, мне пора!... Знаешь? Я хотел совсем другой жизни, Арман! Впрочем, сейчас я уже и не знаю, чего мне хочется. Прощай!

Мы обнялись с ним, поднялись на палубу. Увидев своих людей, он басовито прорычал.

– В шлюпку! Мо местам стоять!

Спрыгнул в шлюпку, она развернулась и понесла Матиса к фрегату. Поднявшись на палубу своего корабля, даже не взглянув в мою сторону – прошел на мостик.

– Свистать всех наверх! Поднять паруса! Курс зюйд – вест!

Фрегат ложился в поворот, в борт его лизала бегущая аквамариновая волна, потом появилась выглаженная днищем морская поверхность, держалась какой – то миг нетронутой, зеркальной и, внезапно была стерта набежавшей рябью.

Через четырнадцать суток мы прибыли в Дублин. Здесь уже носились в воздухе запахи зимы. С моря тянуло холодной моросью, город пыхтел печными трубами, все – и причал, и крыши домов, и деревья – сверкали влагой в лучах низкого солнца. Пришвартовавшись, оставив на шлюпе Алоиза с Кроном, я отправился в торговую палату, известить о своем прибытии.

Навстречу прошла девушка, я вздрогнул – показалось, что это Джеми – но глаза были не ее, неизведанное жаркое волнение не отпускало. И вдруг понял, как необходима она в моей жизни. Наверное, Матис прав. Никто не станет разбираться с чужой бедой. Придется действовать самому. Открывая дверь дублинской компании – я уже знал, что надо делать.

Это был славный вечер. Нас быстро разгрузили, расплатились за доставленный товар, составили и выдали новый заказ, подписали скрепляющий договор, и я заказал великолепный ужин, который нам доставили на шлюп. Втроем мы расположились на палубе, поставив стол, принесенный из камбуза (пришлось открутить болты, крепящие его к полу). Натянув на себя толстые свитеры, небритые, измотанные морями и ветрами – выглядели весьма импозантно. И за этим прекрасным дружеским ужином я изложил свой план. Ударили по рукам. Алоиз ушел спать – он провел последнюю вахту с заходом в Дублинский залив. Мы с Кроном еще долго сидели, попыхивая душистым табаком, любуясь закатом, легшим на бухту и город, потом я отправил и его.

– Спать!

Ходил неустанно до утра по палубе, курил трубку, пил раскаленный ароматный чай. И думал, думал о Джеми, о Матисе, о превратности судеб, и плавилось мое сердце.

Тронувшись в обратный путь, повернули на юг, и пошли вдоль французского берега. Нашей целью был маленький городок, где хозяином дока был Пьер Кери, и где преспокойно проживал не знакомый нам нотариус Наваль, бесчестно подделывающий бумаги. Бискайский залив всегда непредсказуем и загадочен. Зимой здесь бушуют штормы, и круглый год Гольфстрим закручивает поверхностные воды по часовой стрелке, словно гигантскую карусель. В этот раз, на нашу долю выпал по жребии – полный штиль.

Четверо суток мы плавно кружились в дрейфе. Перевязали парусную оснастку, привели в порядок такелаж, промыли камбуз и каюты, и все это время – в ожидании ветра. Все – таки штиль – страшная штука.

На заре пятого дня, поднявшись на палубу, я почувствовал свежее дыхание океана, на фок-мачте трепетал вымпел, по заливу струилось искристое волнение и я ударил в рынду, отполированную до жаркого блеска неутомимым Алоизом за эти дни.

– По местам стоять! Поднять паруса! Курс – зюйд – ост!

Шлюп, оставляя бурун за кормой, шел к назначенной цели. На завтрак ели копченую рыбу, запасенную в Ирландии, пили горячий чай, и я еще раз расставил экипажу акценты для предстоящей авантюры. Мышеловка была готова, приманка заложена, оставалось подождать, когда она захлопнется. Городок уже спал, когда мы, поздним вечером швартовались в порту. Алоиз возился на камбузе, Крон осматривал порт и улочки Сен – Назера стоя на носу шлюпа, а я отправился узнать о местном доке, где можно за сутки очистить днище от ракушек и водорослей.

В любом портовом городке, желая узнать все подробности – отыщите смотрителя маяка. Достаточно пригласить его присесть на прохладном каменистом берегу, вынуть из кармана монету, разжечь трубку и выслушать его неторопливую речь. Через полчаса я вернулся к экипажу, поужинали, Крон встал на вахту, а я занялся подготовкой к встрече долгожданных гостей.

Утро было солнечным. Весело горели черепичные красные крыши. Залив яркой синевой сливался с глубиной неба. Захлопали ставни окон, поспешил на рабочие места портовый люд, и я отдал команду двигаться в док, расположенный в полумиле южнее Сен – Назера. Приблизившись, окликнул хозяина. Ждали недолго. И вот он появился. Стриженная голова, приплюснутые уши, нос широкий, узкие губы и скучные глаза.

– Могу я у вас в доке почистить днище?

– Конечно, господин! Входите! Все сделаем, как прикажете!

Крон и Алоиз осторожно завели шлюп в док. Теперь нам необходимо найти жилье до вечера. Очистка днища предполагает заваливание судна на бок, с обнажившейся поверхности соскабливают ракушки и водоросли, потом переваливают судно, чтобы продолжить очистку другой половины днища. Заперев все каюты и задраив люк, ведущий в подпалубное пространство – мы покинули борт и направились в портовый маленький кабачок. Куда я и пригласил Пьера Кери для составления договора. Он незамедлительно явился, уселся за столом напротив меня, нервно потирая руки.

– Я заплачу Вам, по окончании работ! Мне предстоит долгое плавание, поэтому я желаю, чтобы очистка была выполнена в срок!

– Мы никогда не подводили заказчиков! Не сомневайтесь, к вечеру все работы будут закончены!

– Ну что же! Благодарю Вас, Кери! Очень приятно общаться с такими людьми, как Вы! По завершению работ жду Вас на нашем судне, я устрою ужин в Вашу честь! И еще! Пригласите нотариуса, у меня появилось желание составить завещание в пользу жены!

– Благодарю за приглашение! У меня есть знакомый нотариус, все будет сделано! До вечера!

Мы пожали руки друг другу, подписали договор, и расстались.

День мы провели в городке, чертовски хорошо было ступать по незыблемой тверди, любоваться обычными домами, окнами, плодовыми деревьями с ветвями, прогнувшимися от тяжести сочного урожая. Женщинами, спешащими по своим делам. Темно – синей тенью и белым светом, ложившимися на каменистые жаркие улочки. Все пока шло по плану. Но напряжение не покидало меня. И день этот был нескончаемо долг. Кое – как дождавшись вечера, мы поспешили на свой шлюп. Он уже красовался зашвартованным в доке, слегка выросшим над поверхностью воды. Поднялись на борт, открыли все люки и двери, Алоиз приступил к приготовлению ужина, а мы с Кроном уселись на палубе в ожидании гостей.

Уже солнце скатывалось за главную городскую церковь, как я заметил двух мужчин, направляющихся к нам.

– Все по местам! Действуем по плану!

Опустив трап на причал, я спустился по нему и раскинул руки.

– Давно жду вас, господа!

Кери представил меня – Наваль скромно опустил глаза. Был он тщедушен, бледен, с нездоровым румянцем на впалых щеках.

– Прошу вас на мой борт!

Я проводил их на камбуз, усадил обеих за столом напротив себя, шепнул перед входом Крону. Разлил вино по граненым узким стаканам венецианского стекла.

– Храни нас Господь!

Шлюп дрогнул, чуть накренился в развороте и плавно пошел в морской простор. Наваль обеспокоенно вскочил с места, но я остановил его движением руки

– Мы уходим в открытое море, господа. И если вы не сделаете, о чем я вас попрошу, двинемся согласно курса. Все это делается с целью уравновесить наши силы в диалоге.

Нотариус стал белым, словно выгоревшая на солнце парусина. Кери сжал кулаки, и молча – рассматривал меня.

– Скажите мне, Кери, где сейчас Ваш любезный друг Гран?

Скулы Пьера Кери окаменели, в глазах вспыхнул черный огонек.

– Вам его не достать, и не обмануть, как удалось обманом завлечь нас.

– Гран тоже заблуждался, как и Вы, Кери! Обмануть всех невозможно! Я даже не стану прилагать усилия для его розыска. Его разыщут флибустьеры и неприятно накажут. Согласитесь, что смерть не относится к приятным ощущениям!

Лицо его стало багровым.

– Кстати! А где ваша племянница Джеми?

Его перекосило мгновенной судорогой, он бросил взгляд на нотариуса, и положил трясущиеся руки на стол. Мышеловка захлопнулась. Я встал, подошел к двери и громко постучал в нее.

– Крон! Отопри мне!

Вышел на палубу, вдохнул свежий ветер, оглянулся, берег уже таял в розово – золотистой дымке.

– Алоиз! Держать курс на Сен – Назер!

Спустился в камбуз, убрал со стола приборы и блюда с едой, положил бумагу и перо.

– Вы, Кери, пишете признание в убийстве своего брата, о тайной связи с морскими разбойниками. А Вы, господин Наваль, признаетесь в сговоре с Граном и Кери, а также в подделке документов на правообладание дока, принадлежавшего отцу Джеми – Дюрвалю.

Это будет моей гарантией и подтверждением вашей неизменной сущности. У вас нет выбора! Либо бумаги с вашими подписями в моих руках, либо в Бискайском заливе для вас найдется небольшой участок темного прохладного дна. Каждый ответит за грехи свои. И не тяните время, возвращаться вам придется на веслах!

Я, не спуская с них глаз, набил трубку табаком, раскурил и сел за стол. Плеск веселой волны, клубы ароматного табака и скрипенье перьев по листам бумаги. Не дойдя двух миль до Сен-Назера, Алоиз проводил их в шлюпку, которую позаимствовал в доке, привязав ее за кормой, и только они ступили в нее, обрезал веревку.

– Увидимся!

Кери угрюмо вставлял весла в уключины, Наваль сидел на корме, обхватив руками голову. Мы повернули, и ветер понес нас в блистающий простор.

Шторм захватил нас, когда по левому борту тонкой полоской между небом и морем был виден Пиренейский полуостров. Сначала шла крупная тяжелая волна, через час шквалы ветра усилились, пришлось убрать парус и задраить люки. В потемневшем небе рваными клочьями неслись облака над одинокою мачтой. Волны перехлестывали через палубу, ветер крепчал.

Шлюп скрипел, содрогался, испытывая на себе удары разбушевавшегося океана, и я благодарил мастеров, сработавших судно, и Бога – за спасение наших душ. Мы с Кроном все время находились на мостике, возле руля, привязавшись веревкой к швартовым кнехтам. Приходилось следить за целостностью палубных надстроек и мачты.

Измотав нас за 16 часов до каменной усталости, порывы ветра, словно утомившись, начали сбавлять свой напор, шторм смещался в Бискайский залив, и когда затих томительный свист ветра с мелкими солеными брызгами, когда Алоиз поднялся к нам – по моей команде, мы с Кроном в изнеможении повалились на мокрую палубу и даже не было сил набить свою трубку табаком.

В тот день я записал в бортовом журнале – «судьба испытывает нас, и благодарны мы Богу, что он нас не оставляет». На пятый день после шторма мы прошли Гибралтарские ворота. Средиземное море встретило ласковым солнцем, радостным изумрудным бегом ряби. Сердце мое, горячо волнуясь, в нетерпеливом ожидании, рвалось за горизонт, туда, где ждала меня Джеми.

Стоя вечером на носу шлюпа, глядя в надвигающуюся черноту ночи – увидел вновь ее спящей в моей каюте, со слабой улыбкой на губах. Какая бездна лет минула с того дня. И было ли это?

*В кафе, на набережной, в полдень
я любовался синевой морскою
с летящими тугими парусами,
– за чашкой ароматного напитка.
Но ты затмила – видимое мною,
волнующей своею красотою,
нахлынувшим нежнейшим ароматом,
и мягким перестуком каблучков.
Напиток уж остыл, и день погас,
на башне – грустный звук ночных часов,
и синий мрак ложится на залив,
и лишь видение твое – в чуть слышном
ропоте листвы и волн – со мною.
Корабль мой в путь отправится с рассветом
к далеким берегам, в пустынном мире этом...*

Барселона! Бог мой! Барселона! Пришвартовав шлюп, я спрыгнул на прогретый зноем причал, сложенный из базальтовых плит, двинулся по древней улочке Рамблас, стекающей к морю, словно русло высохшей реки. Мне было нужно найти торговую биржу, знаменитую городскую биржу, там меня ожидал пакет от Хосе Наварро. Миновав ратушу на площади Пласа-де-Сант-Жуаме и повернув направо, открыл массивную дубовую дверь.

Здесь царил прохлада и неспешная работа с шелестящими бумагами. В атмосфере зала чувствовалось присутствие сотен кораблей, морских экспедиций, торговых путей, затерянных островов, новых открытий и очередных загадок, аромат кофе и табака, корабельного леса, пеньки, парусины, рома и мадеры.

Через минуту я вышел в полдневный жар, разорвал пакет по боковому шву и прочел – улица Коррер-Монткада, дом Наварро.

Вступив на обозначенную улицу, томясь и душой и сердцем, увидел над собою крыши домов, почти смыкающиеся над отвесными стенами, с тонкой синей полоской неба над головой. Каменистая мостовая чиста, и отполированная ногами тысяч и тысяч прохожих.

Высокие, остроконечные окна и тяжелые окованные двери. Сухость воздуха. Наконец постучал в одну из дверей с расположенным на ней искусно кованым гербом. Разглядев его внимательно, узнал, что Хосе Наварро – рыцарь ордена тамплиеров, уроженец Кордовы. Долго ждал. Отворили – предо мной открылось великолепное патио.

– Доложите, что прибыл Арман Дюфо!

Слуга запер дверь, жестом пригласил меня пройти через пышный благоухающий цветник в тень листвы, где я и опустился на скамью, удерживая себя от желания броситься вслед за ним, уходящим в синюющую глубь дома, и разыскать самому, взять ее за руки, почувствовать аромат, обнять, услышать голос. Раздался звук каблучков, они так спешили, так стучали, сбивая такт моего сердца – я встал со скамьи в тот момент, когда Джеми появилась из-за поворота аллеи.

Мы замерли, встретившись глазами, и когда слились в поцелуе, я уже не мог вспомнить, как мы преодолели солнечное, непостижимое пространство, разделяющее нас за минуту до этого.

Капитан ушел в море неделю назад, и я ожидал его возвращения. На шлюпе мой экипаж приводил в порядок бегучий такелаж, запасался пресной водой, Крон по своему обыкновению осмотрел подводную часть руля и киль. В воде он чувствовал себя как рыба. Вечером я отпускал их на берег, мы с Джеми оставались на палубе, не спеша рассказывая друг другу о своей жизни до нашей случайной встрече в Сет. Я любовался ее глазами, целовал пальцы, и в тот миг – когда она поправляла свой локон, растревоженный теплым ветром – предложил выйти за меня, и что венчание наше состоится в Марселе. А затем долго целовал ее счастливые глаза.

На третий день, в два часа пополудни на рейде встал «Жан Баптиста». Дождавшись, когда шлюпка с капитаном направится в порт, я поспешил навстречу. Если бы я мог предположить тогда, какое известие принесли мне ветра из моря! Наварро выглядел уставшим, лицо его было обветрено, шаг не твердым – после долгого морского похода. Мы пожали руки, я поблагодарил его за заботу о Джеми. И он пригласил пройти с ним немного.

– Мы все – таки настигли их, Дюфо! За этим фрегатом я охотился полгода. Но капитан был слишком умен, чтобы позволить ухватить себя за хвост. В этот раз удача улыбнулась нам! Мы блокировали этих разбойников недалеко от Гибралтара, безветрие лишило их маневра, и я разбил судно в щепы из своих пушек! Фрегат затонул, нам удалось выловить из воды трех негодяев – и знаешь ли, как выяснилось – тот погибший капитан назывался твоей фамилией.

– Это мой брат, Наварро! Так случается в жизни!

– Прости! Не знал! Он был очень храбр! Искренне сожалею. Предпочитаю иметь таких друзей, чем врагов! Куда сейчас?

– В Марсель! Хочу завершить начатое дело, еще тогда, в Сет.

– Ну что же, удачи!

– Благодарю!

Мы расстались, я возвращался на шлюп, увидел стаи голубей, лениво склеывающих шелуху на площади, вспомнил слова Матиса, и не смог сдержать слез.

Финиковая косточка. 11 писем к любимой

Живопись Ирины Овсянниковой

unus

Ты, конечно, помнишь тот вечер. С низким солнечным светом, с летящей паутиной на фоне высоких облаков, с невесомым июльским ветром, мягкой, дымящейся золотом пылью под ногами.

Тот поворот, манящий волшебством прохладной тени, с густым еловым и земляничным запахом, падающими на мягкую тропу косыми синими лучами.

Я и сейчас вижу след твоей босоножки – врезавшийся в мою память чёрно-белой фотографией. При желании, я отыскиваю её в туманных переулках влюблённости.

Вижу овал и рисунок, напоминающий ёлочку, вмятину каблучка. В долгом шаге через ручей, успеваю увидеть в отражении медленной воды твои ноги, выше колен, до безумного сумрака...

В слабом дуновении ветра, что ласково перебирает локоны у виска, волнует подол твоей юбки, навевает твой аромат – именно такой, легкой, недоступной, до стука в висках – желанной – он падает навсегда в страничку лета, погружаясь и всплывая, вздыхая предутренним сном.

Обернувшись, спросила.

– Как ты жил до меня?

И я, растерявшись, не в поисках ответа, а оттого, что взглянув в пропасть личного одиночества, задумался.

– Небо, наверное, знает, и ты.

И начал целовать ладони. Тёплые, с неуловимым ароматом миндаля в ложбинках пальцев.

– Дурачок!

А сама улыбалась, со счастливой искоркой на губах.

За рекою, за лугами, в небесной дали, клубились фиолетовые тучи. Жёлтыми штрихами стреляли слепящие молнии. Дробью накатывался рокот. В коротких паузах шелестящего сухостью воздуха и надвигающейся грозы, под мгновенно потемневшим небом, с порывами вздрагивающей листвы, среди шёпота разнотравья и бледности испуганных ромашек, с непостижимой тишиной перед очередным восторгом грома, я увидел – тебя.

Такой, какой ни кто, никогда не видел.

duo

Мы сидели за столиком летнего кафе. Не знаю, помнишь ли ты тот жаркий, безветренный день. Официант, молоденький, гибкий, со стриженными усиками под орлиным носом, принёс нам мороженое и две чашечки кофе. Взглянул на тебя, замораживая время.

Я вспыхнул, взлетая в сладостном жаре предстоящей драки, охватываясь ознобом, до ледяного холода на губах, до хруста на костяшках пальцев.

И ты, мгновенно почувствовав моё состояние – взяла мою руку, поцеловала в щёку.

– Тихо, тихо! Ну что ты. Лучше расскажи мне, что было там?

Наградив моего оппонента равнодушным взглядом. Он сник, и я увидел, что он – совсем мальчишка.

Военный аэродром. Клубы пыли и рёв двигателей. Батальон наш развалился на пыльной площадке под скудной тенью старого платана. Липкая слюна и отвратительная на вкус вода. Жарко так, что плавится позвоночник. Самолёт прибывает через полтора часа.

Володя Соловьёв, мой друг по учебке, рослый, широкоплечий парень, легко отжимающийся на руках от земли 120 раз, с белым вихром над загорелым до кофейного цвета лицом, лениво закуривая третью сигарету подряд.

– Неужели среди этих азиатских просторов нет приличной водки?

– Вопрос?

– Ответ! Дома, в такую жару, я уезжал на дачу. В Москве скука, в жаркие дни – просто гибельная. А там! Речка Пахра, знаешь, заросшая по берегам осокой, чуть выше – огромными лопухами, ивами и черемухой, и маленький домик на берегу. Мать целое лето проводила там; огурцы, помидоры, редиска, смородина. Да что я тебе говорю? Вечером я уходил на танцы, брал в магазине портвейн, глотал из горлышка, прятал бутылку в кустах акации. Светлана. Она всегда возле арки меня ждала. А я как увижу, меня дрожь пробивала. Знаешь? Тонкая такая, словно тень, а глаза...

– Первая рота! Становись! Повзводно! Командиры взводов – ко мне!

В трюме транспортника мгла. Оружие, подсумки – на себе. Остальное снаряжение – под ноги. Сидим плотно, два ряда в середине, вдоль грузового отсека, и два – возле бортов. Гул двигателей отдаётся в серебристой клетке фюзеляжа. Раскалённый день остался внизу. Крылья, при наборе высоты, вздрагивают от напряжения. Я пытаюсь увидеть в иллюминаторе последний клочок родной земли.

– Афган! Видишь? Мы уже за рекой!

Крепко сбитый, с выпуклой грудью и мощной шеей, он ловко вынимает из недр своего вещмешка фляжку. Протягивает мне.

– Пей! Чтобы при возвращении выпить!

И я, морщась, с горечью в горле, глотаю спирт.

Это старшина взвода, в третий раз пересекающий границу с пополнением. «Хорошее помнится, плохое забудется» – его слова. Вот только, чему он меня научил, самому не пригодилось. Погиб, от внезапного миномётного огня, ночью, под Пешаваром.

– Ну вот, мороженое растаяло.

Произнесла ты, коснувшись ресниц. Слёзы?

– Ты плачешь? Ну что ты. Что ты?

Мы долго танцевали в тот вечер. Обнимая тебя, охватывая талию, чувствуя колени и грудь, заглядывая в глаза – уверовал, выжил в той войне – ради единственной счастливой встречи. Падало солнце, крик чаек носился над волнами, в блеске твоих зрачков я видел оранжевый цвет моря. И нежное прикосновение твоих пальцев тоже было оранжевым, как твои волосы в апельсиновых лучах.

Вот то платье – на узких лямках, со сборками на груди, обрезанное выше колен, с волнующим – вниз от пояса – колоколом. Почему я вспоминаю его? До осязания на подушечках пальцев.

Луна втекала в окно бледною рекою, серебрилась тонкая занавеска, за нею чернела вишня и цикады, цикады – непрерывный ночной звон, до небес.

– Их кажется больше чем звёзд.

Сказала ты мне, переводя дыхание.

Окутанный горячим шёпотом, в нервном возбуждении, торопясь, разрушая последнее препятствие, задержал на руке твое платье. Лишь на секунду. Вдыхая обворожительный девичий запах. Снял с запястья часы. Зачем? Боялся поцарапать тебя рубчатым браслетом? Они так и остались на полу, одиноко высвечиваясь фосфористым зелёным глазом. Впрочем, не важно.

tres

Ан-12, словно оступившийся динозавр, провалился так резко, что заснувшие бойцы встрепнулись, озираясь, возвращаясь в реальность, приникли к иллюминаторам.

Горы, горы, с разламывающими ущельями, с беспорядочной жуткой красотой. Также жутко и небо тёмной, глубокой синевы, без единого облачка.

Зубцы скал, громадные осыпи, горизонтальные слоёные рисунки отложений на склонах. Ниточки дорог со шлейфами пыли.

Крыло очерчивает полукруг над вершинами, погружается в пропасть, в полумрак, снова резко теряет высоту, стремительно чертит над выжженной солнцем древней землёй. Мягкий удар, и, сбрасывая скорость, мы катимся, медленней и медленней, и я внезапно понимаю – обратной дороги нет. Что именно с этого момента, каждый из нас не принадлежит самому себе.

И война, жадно раскинув руки, принимает нас в свои объятия.

– Прибыли! Рота! Встать!

Распахивается грузовой люк, и мы, в два ручья вытекаем из чрева транспортника в предвечерний, сухой, настоящий дикими травами, воздух Баграма. На стоянках, в стороне от взлётной полосы, застывшие силуэты эскадрилий истребительной и штурмовой авиации. Вдали слышен шум вертолёт, и в направлении этого рокочущего тревожного звука, навстречу нам, торопливо движется взвод парашютно-десантной бригады. Лица их, потемневшие от солнца, обветренные, даже не поворачиваются в нашу сторону. Я ещё не знаю, что Олег, через полгода вытащивший меня с того света, сейчас среди них, с пулемётом на плече. С равнодушным взглядом от недосыпания, сплёвывая на ходу – «опять салажат привезли», и рукою ощупывая карман, убеждаясь, что сигареты на месте.

– Наверное, хорошо, что мы не познакомились до этого.

Сказав мне это, сжала мою ладонь. В ночном свете, крепко обняв, я долго целовал твои глаза.

– Почему?

– Я бы не смогла жить в паузах между письмами.

– Я бы писал одно письмо утром, другое вечером. Впрочем, действительно, вру.

Ничего бы не получилось. Война не терпит пауз. Война – это ещё и нелепая смерть.

И довольно. Прости. Тебе надо выспаться.

Вдохнула, улыбнулась сквозь сон. А я долго лежал, слушая свое и твое сердце.

Они, как оказалось, разговаривают между собой. Неслышно, советуясь, и успокаивая друг друга. И не я это придумал.

К завтраку вышла в одной рубашке, колени искрились в солнечных лучах, пронизывали насквозь ткань, высвечивали кончики грудей. Пряно несло из открытого окна утренней свежестью, травой, омытой ночным дождём.

Глаза, и губы, дыхание, быстрое движение руки, стягивающей подол как можно ниже. Боже!

Завтрак пришлось отложить.

Кофе остыл, но омлет мы съели мгновенно.

Залитый солнцем стол. Твои горячие ладони. На вазочку с вареньем села пчела, замерла, вздрагивая крылышками цвета охры, беспокойно вращая глазами.

Ты, глядя на неё, не двигаясь, в легком испуге, распахнув ресницы – прошептала.

– Она, тоже?

И мы долго хохотали в то утро. Пока чайник, задохнувшись от пара, клопоча сверкающей крышкой, не заявил о готовности. Помнишь? Каким невероятно вкусным нам показался кофе.

quattor

Население кишлака, что мы окружили на заре – где по разведанным укрылись моджахеды, прошагавшие сотню миль по горам из Пакистана – исчезло.

Все, до единого. Блеяли овцы, доносился собачий лай, дотлевали угольки очагов за дувалами, плавал сладкий запах дыма. Озлобленно кричал ишак, привязанный к древесному высохшему стволу.

Капитан Никодимов, быстро оценив ситуацию, затапывая окурок в жёлтой пыли, командовал.

– Разбиться по двое! Осмотреть окраины кишлака! Искать кяризы!

И увидев наши недоумённые лица, добавил, смягчив тон.

– Подземные ходы так называются. Каналы для воды. Забавные, доложу вам, коммуникации.

И пробасил, напустив серьёзности.

– Никакого мальчишества! Максимум осторожности! Вниз не спускаться! Через час собираемся на восточной окраине кишлака, определимся в дальнейших действиях.

Рассредоточиться!

Если вам не приходилось добывать огонь при помощи трения деревянных палочки и дощечки с углублением, то и не пытайтесь. Ничего не получится. Древний человек был более изобретателен, чем мы предполагаем.

Афганистан открывался неохотно и осторожно, как ветхий талмуд.

Древний, вечный, первобытный. Пыль и камни.

С устоявшимися традициями и укладом; четырёхчасовой послеобеденный отдых, пятикратный намаз. Где, хлеб, возведённый до святости, преломляют руками, большой ломоть протягивают гостю, меньший оставляют для себя.

А жестокость к непрошеным гостям – это тоже оттуда, из глубины веков.

Кяризы копались поколениями, триста – четыреста и более лет назад, тщательно, со знанием дела и законов ирригации. Когда говорят – великие мастера, это про них, пуштунов.

Кяриз, это подземный канал для сбора подпочвенных вод и вывода их на поверхность.

А теперь представьте маленькую гордую страну, её разбросанные кишлаки, ущелья, пропасти и перевалы, горные хребты – то, к чему нас хоть поверхностно, но готовили.

Кяриз не входил в этот список. В первый раз, когда я спрыгнул на его каменное дно, со звонким хрустом под каблуками, и таким глухим, сырым эхом – отчего замерло сердце. Сверху на меня глядели встревоженные лица бойцов. Поразился высокому своду канала, уходящего вдаль. Сделав несколько шагов, увидел разбегающиеся в стороны ходы в человеческий рост. Свистнул. Спустился Никодимов.

– Ну, что тут?

– Пусто. Чёрт его знает, что там в ответвлениях.

– Осмотрим по возможности.

Он закурил от зажигалки, помотал рукой.

– Взвод! Ко мне!

Вниз посыпались ребята. Сразу стал тесно от говора, оружия, возгласов. Все возбуждены, детство играет с нами очень долго, порою до последнего вдоха.

– Тихо!

Никодимов вынул фонарь, направил луч, обшаривая стены кяриза. Склонился, внимательно разглядывая что-то.

– Здесь они!

Протянул раскрытую ладонь, и мы увидели тонкую прядку овечьей шерсти, перевязанную красной нитью.

– Давай наверх, бойцы! В этом лабиринте их не взять. Тут – они хозяева.

И добавил.

– На выходе подождём! Базуку мне дайте.

Когда все поднялись на поверхность, рванул пуговицу возле горла, покрутил шеей. Расставив ноги, вскинул на плечо гранатомёт, и, направив его в глубину тоннеля, нажал спуск. Снаряд с горячим шипением сорвался с направляющей, свечой, зримо, понесся в пустоту, грохнул взрывом.

– Всё! Наверх!

Я так торопился, что забыл позвонить тебе. С чемоданом в руке пришлось вернуться, отпирая дверь, слыша переливчатый сигнал, распахнул, схватил, приник к трубке.

– Слава Богу! Я уже думала, что-то случилось!

– Случилось! Я люблю тебя! И еду с тобой к морю, на целый месяц!

– Сумасшедший! Я уже выхожу, такси ждёт!

– Я следом! До встречи на вокзале.

– До встречи!

В купе по-утреннему сумрачно. Опустив чемодан на пол, приняв с твоей руки дорожный саквояж, не отрываясь от влажных губ, нашаривая за спиной и найдя, щелкнул замком на двери. Ты смогла только слабо вскрикнуть от прикосновений моей горячей и нетерпеливой руки к прохладному бедру, скрытому юбкой. Потеряв всю осторожность, не слыша ни шагов, ни голосов, ни убыстряющегося колёсного стука, падали, проваливаясь в обморочную дрожь.

– Еще можно, на минутку.

Шепнула, темнея глазами, откидываясь навзничь.

Поезд набирал ход, вагон мягко раскачивало, за окном летел бесконечный лес, взлетали и пропадали провода, вдруг, неожиданно – ухнуло тугим громовым раскатом. Стекло покрылось мокрыми следами стремительных капель.

– Нас преследуют грозы!

Улыбнулась ты, приподнявшись на локте из окутывающего нас облака.

– Блеск! Гроза, это небесная радость, выдох, выброс накопленной энергии.

Ну, вот как – у нас сейчас с тобой.

Смутилась. Дёрнув меня за мочку уха.

– Шалун! А я в детстве до ужаса боялась гроз.

– Ты просто не догадывалась, что они отсчитывают время до нашей встречи.

Вспомни! Это сладкое, смутное томление. Ожидание, чего то нового, неизведанного. Той же послегрозовой свежести, с дымкой над влажной землёй, наконец. Помнишь? Сгущающийся страх, надвигающаяся темень, когда ждёшь следующего громового раската в шуме дождя, а его всё нет и нет – вдруг – пробивая ознобом по спине, ударит, раскалывая небо, покатится чёртовым колесом по чёрным тучам, удаляясь и замирая. И слышен только звон капель, звук льющейся воды с крыш.

Целуя плечо и вдыхая твой запах, неожиданно вспомнил, что на войне не довелось увидеть ни одной грозы. Ни разу. Такая вот мелочь.

К тому же и ты оборвала эту мысль, найдя своими губами – мои.

quinque

Когда поезд, под Севастополем, жарко грохоча среди меловых, скалистых стен, втянулся в темноту тоннеля, я навсегда запомнил сияние твоих глаз, даже в сумраке я отчетливо видел каждую черточку лица, ресницы, припухшие губы.

– Страшно?

– Нет.

Прошептала, чуть слышно.

– А мне страшно. Страшно потерять тебя.

И мы опять умолкали в затяжных, долгих поцелуях. В купе витал аромат яблок, купленных на какой – то маленькой станции под Мелитополем.

Я спрыгнул на раскалённый перрон, с проросшей травой между плит, со щебетом птиц и криками торговки в прогретом прозрачном воздухе, принял тебя, придерживая за талию, легкую, красивую, в сарафане в мелкий цветок и белых туфельках.

Как мы были торопливы во всём!

Возвращались бегом, в одной руке я держал твою ладонь, в другой корзину полную яблок.

Мы ели их вдвоём, откусывая поочерёдно от хрусткого сочного бока. В приоткрытое окно туго дуло солёной морской сыростью. Плыли холмы с виноградниками, выпуклые поля с красными всплесками маков. Весело, по-южному, светило высокое солнце. Помнишь?

И вкус твоих губ, и дыхание – в аромате фруктовой, долгожданной поры.

– Шахов! Запроси штаб дивизии! Срочно!

Никодимов щелчком выбил сигарету из пачки. Прикурил.

Мы лежали кто где, используя складки местности. Держа на прицелах вход кяриза.

Припекало. Я перекатился к Соловьёву.

– Слышь, Володя! Как думаешь, дождёмся мы их?

– Ты на капитана взгляни! Он уже что-то придумал. Сейчас со штабом согласует, всё станет понятно.

Никодимов долго убеждал по связи о необходимости ликвидации объекта, сыпал своими соображениями, координатами, нервно поправляя амуницию. Дважды расстегнул и застегнул кобуру пистолета. Затем отдав наушники связисту, взглянул на нас, осмотрелся. Глянул на часы, отдернув рукав.

– У нас 15 минут! Авиация поработает! Взвод! За мной!

Перепрыгивая через камни, повёл за собою в сторону ущелья. Спина сразу взмокла. Вдыхая горячий воздух, перехватывая поудобней ремень автомата, я вдруг понял смысл сказанного капитаном. Мы бежали вниз по склону, сбивая сапогами колючие сорняки, преодолевая неглубокие овраги, оскальзываясь на глинистых подъемах. В горле пересохло, ноги, до кончиков пальцев, наливались нестерпимым жаром, словно бежишь по кипящей воде. Обогнув широкую каменистую осыпь, свернули на еле видимую тропу. Петляя, она терялась в каменном нагромождении. И здесь, возле скалистой вертикальной стены капитан поднял руку.

– 5 минут отдыха!

И в ту же секунду, с неба, свалившись рёвом двигателей, появилось звено МИГов, сделав боевой разворот, легли на цель, скользнув над кишляком и взмыв в синеву, снова развернулись – дрогнула тяжело земля, вздыбилась, за клубилась пылью, закрывая полнеба – и ещё раз, и ещё. Из-за взрывного грохота, я не заметил, как ушли истребители, будто их и не было. В оседающих клубах золотилось солнце. Под ногами юрко сновали изумлённые ящерицы, и я, разглядывая восхитительный окрас их блестящих спинок, позавидовал, единственным – оставшимся безучастными к случившемуся.

Бросил взгляд на часы – 16:41, 26 июня.

Зачем мы здесь? Выбросил раскрошенную в кулаке сигарету.

– Уходим!

После купания в ночном море, подхватив на руки, выносил тебя на сушу. В сверкании капель, с мокрыми прядями на лбу, затихала, закрывала глаза. Чувствуя ступнями влажный песок, брёл вдоль кромки воды, боясь отпустить тебя, нарушить хрупкое счастье слияния с чёрно-звёздной морской и небесной бесконечностью, с тёплым бризом,

с солёным запахом твоего тела, всполохами света далёкого маяка.

И ты, будто услышав мои мысли, сказала.

– Словно тысячу лет назад. Помнишь?

Я осторожно опустил тебя на прохладный песок. Как в ту ночь, о которой ты вспомнила.

sex

Бог был прав, изгнав наших прародителей из Эдема.

Иначе, зачем – мужчина и женщина? И есть ли в этом, грех? Богу видней.

Но мы живём на земле, где однажды, я не смог пройти мимо тебя. Оглянись и вспомни.

Тот, самый первый, зачарованный, незабываемый миг, помеченный ангелом.

– Никогда не оглядывайтесь! Война вас отметит.

Старшина в этот раз говорил неожиданно тихо.

– Не оглядывайтесь, выходя из помещения, покидая борт вертолётки или выпрыгивая из бронемашин, не смейте оглядываться, уходя на боевое задание. Нигде, никогда.

Оглянувшись, значит пропал. Вот так, сынки.

Это было действительно трудно, заставить себя уходить, без оглядки. Не знаю, почему.

Потом привык. С войной спорить бессмысленно.

Игра без правил. Вернее по неписаным законам, всегда не так, как хотелось.

Капитан Никодимов с взводом выдвинулся на близлежащую высоту 1457, чтобы определиться с площадкой для пункта наблюдения. Им предстояло миновать каменистый распадок, пройти вдоль высохшего русла ручья, и по широкому пыльному склону подняться к скальным выступам, прикрывающим макушку горы с севера.

Вышли в ранний час, чтобы успеть вернуться до того, как полдневное солнце немилосердно примется прожигать спину и плечи.

А война уже возбуждённо листала свою картотеку.

Кроме неё, никому и в голову не пришла мысль, что пуштуны в это же самое время двигались навстречу. Легко и привычно, по своим неспешным домашним делам. Дома осталась у каждого семья, темноглазые дети, очаг, жена с опущенным взором, намаз и сидение на корточках в лучах заходящего солнца. Вероятно, по природной чуткости слуха и обоняния, именно они услышали встречное движение первыми. О чём говорили, скрадывая звуки? Совещались или нет? Мгновенно решив, заняли позиции?

Когда взвод, растянувшись вдоль неглубокой горной впадины, перепрыгивая через колючки и обходя валуны, сворачивал, открываясь на крутом склоне, грохнул одиночный выстрел. Никодимов, с окровавленной головой, покатился вниз.

И сразу затрещали автоматные очереди. Бойцы, рассыпавшись, метнувшись за спасительные камни, отвечали огнём. На склоне остались ещё трое, два убитых наповал и один тяжело раненый, пронзительно кричавший от боли. Хозяева гор намеревались захватить тело офицера, в этом был особый ритуал, и ожидаемый солидный бакшиш. Сделав несколько попыток, поняв, что не удастся, потеряв двух убитыми, швырнув напоследок гранату в ненавистного командира «шурави», растворились в горах.

Пункт наблюдения на высоте 1457 был оборудован через четыре дня. Рация, БМТ для обзора удаленных объектов, станковый пулемёт, сложенная из камней стена для прикрытия от пуль. И на три года высота получила название Никодимовская.

А потом – мы ушли.

Как хорошо, еще не успев окончательно проснуться, почувствовать тебя всем телом. Раскрывая глаза, увидеть разметающиеся на подушке локоны, поцеловать плечо и ладонь, расслабленную грудь. В первом твоём движении, в легком вздохе и открывающихся ресницах отметить ответную радость, обнять, вдохнуть утреннюю сладость, услышать горячий шёпот.

Грех тогда, когда этого нет.

Оглянувшись в тот день, я только проследил взглядом удаляющийся шаг. Убедившись, что это не было ошибкой, случайностью, испытывая смутное беспокойство, ждал тебя следующим вечером на том же месте, твёрдо зная о нашей встрече. Помню до сих пор и румяное

небо с сиреневыми облаками над горизонтом, сухой асфальт с сеточкой трещин, шум проезжающих машин, голоса прохожих. Отражение витринного стекла – куда я изредка бросал взгляд, оглядывая себя. За ним, из глубины, чуть склонив голову, наблюдал за мною манекен, в длинном, вечернем – черное с блёстками – платье. Затем что-то дрогнуло, сместившись во времени, увидел, неожиданно, жадно охватывая глазами. Сердце, гулко ударяясь о стены домов, остроугольные крыши и водосточные трубы, раскидывая искры, полетело вдоль улицы, вслед за тобой, намереваясь расколоться от долгого ожидания и торопливой неосторожности.

И каким было счастьем, что ты услышала. Остановилась. Подставила ладони.

septen

И ангел, сидя на подоконнике третьего этажа, поведя плечом и качая босой пухлой ножкой – ясно улыбнулся нам.

Вот он, удобно расположившись в узкой расщелине, раскинув ноги и слившись с винтовкой в одну линию. Черный ангел войны.

Сверху – всё как на ладони. Выбрав жертву, нажимает спуск, отползает, стремительно уходит по подготовленному заранее маршруту. На это место он уже никогда не вернётся. Кого он сейчас высматривает через оптику прицела?

Привыкнуть к смерти невозможно. Страх и привычка – взаимоисключают друг друга.

Первым был убит Слава Крашенинников. Умывшись и растираясь полотенцем, он проходил мимо курилки, где сидели бойцы, вернувшиеся с ночного несения службы. Повернувшись к ним, улыбнулся, хотел что-то сказать и рухнул. Пуля угодила чуть ниже уха. По горам покатилося слабое эхо. Сидевшие на лавках ребята, дружно упали на выжженную землю. Змеиными движениями укрылись за стену. В это время, из штабной машины связи, показался Коля Первенцев, распахнул дверь, и отброшенный сумасшедшим криком – снайпер! назад? – тут же её и захлопнул. Такое вот утро.

Не совсем доброе.

Поступил приказ – «передвигаться только в касках и бегом».

Пост на Никодимовской снайпера не засёк. Им тоже приказ – «усилить наблюдение»!

Ребятам, после Славкиной гибели об этом можно было и не напоминать. Тщательно просматривая весь ландшафт через оптику, меняли друг друга у окуляров. Составили схему секторов обзора, понимая, что сами являются отличной мишенью.

Первые часы протекали в легкой панике, затем сгладилось, потеряло остроту.

Прошло два дня, а на третий, он появился вновь. Когда к нам примчался пропылённый, издававший виды БТР, с товаром, и продавщицей Военторга – Катей. Вопреки, или благодаря серьёзной обстановке и военному быту, для нас это было светлым событием, таким коротким возвращением в детство, когда можно время от времени блаженно облизывать губы в крошках незамысловатой сладости, принятой из ласковых женских рук. Ну, скажем – пряник, с хорошим глотком сгущенного молока, из испортой тут же банки. Признаюсь. По прошествии лет, попробовал. Привкус не тот. Или возраст?

Катя? Волосы у неё всегда были красиво уложены. Цвета спелой ржи. Глаза добрые, чистая, свежая, будто и не война вовсе. Чуть заметные серьги в ушах. Голос грудной, тихий.

Стрелял он в этот раз с точки – вне сектора обзора Никодимовской. Зашёл с противоположной стороны, максимально приблизившись к дороге. Сменил и оружие. Когда БТР с Катей и двумя бойцами охраны двинулся в обратный путь, отчаянно ревя двигателем и оставляя за собой пыльный развесистый хвост – сбил его выстрелом из гранатомёта. БТР, вильнув, выбрасывая черно-красные языки, исчез в глубине ущелья.

Через час, силою двух взводов мы выжали «ангела» из каменного хаоса, вынудив уходить в восточном направлении. Горы в этот раз были на нашей стороне. Зря, ох, как зря, он коснулся крылом – эту женщину. Нашей злости хватило бы на дивизию. Лейтенант Каримов, таджик, тонкий и быстрый, всё правильно рассчитав, заставил нас бежать до чёрных кругов перед глазами. Прекрасно ориентируясь на местности, отрывисто бросал команды, подгонял отставших, зорко вглядывался вперёд. Было что-то древне-дикое в его выражении лица и пластичном легком беге. И мы, всецело доверяя и подчиняясь ему, кипели единым желанием – настигнуть, убить.

Война, должно быть, радостно потирала руки.

Достигнув полуразрушенных развалин, выбеленных солнцем надгробных камней, занесённых пылью, за которыми открывался узкий каньон с отвесными стенами, мы еще долго преследовали его, чувствуя, как соль разъедает спину меж лопаток, как наливается тяжестью тело, как гулко колотится сердце, от бега, от чувства отмщения. Внезапно лейтенант поднял руку, выстрелив из ракетницы по направлению нашего движения.

В синеве неба, взлетая и раскрываясь горячей краснотой, вспыхнула яркая точка.

– Ложись!

Мы выполнили команду, свалились, переглядываясь и тяжело дыша, вытянув гудящие от усталости ноги. И вдруг, со стороны Никодимовской застучал пулемёт. Долгой, бесконечной очередью, словно вбивая свою цель в землю. За Катю. За Катю. За Катю.

Как-то в сочинском тире, в длинном узком вагончике недалеко от пляжа, я учил тебя стрелять из винтовки. Объяснял, как взять её левой рукой, как правильно поставить локоть, прижать приклад к плечу, говорил о правилах прицеливания, в тоже время не сводя глаз с твоего волнующего изгиба спины покрытой легким загаром.

Склонившись, поцеловал за ушком. Хозяин, пожилой грузин, с седой шевелюрой и такой же жесткой щетиной на щеках, внимательно и грустно наблюдая за нами, улыбнулся и спросил.

– Почему учишь стрелять такую красавицу? Снайпером, наверное, был?

– Нет, отец. А вот уничтожать их – приходилось.

И подумал, что это возможно единственное, о чём не жалел, и жалеть не стану.

А твой загар с запахом солнца и моря, мучал ещё долгих полдня, до вечерних сумерек, пока мы, не нагулявшись после ужина по аллеям Ривьеры, надышавшись цветочного воздуха в парке, вернувшись в свою комнату, где ты грудью обессиленно упала на тахту – я заставил испытать тебя ту степень бесстыдства, когда нет ни времени раздеть, ни прикрыть за собою дверь – лишь целовать, вдыхать впадинку на спине и озноб вздрагивающих плеч.

Осто

Сегодня пост на Никодимовской. Нас четверо; радист, Володя Стриженко, пулеметчик, Юра Паньков, два стрелка, Сергей Крупкин и я. К вечеру становится холодно.

Резко, с заходом солнца. В бушлате это не так уж страшно. С гор стекает пронизывающий ветер, отчего все пространство заволакивает вездесущей пылью. Пыль – отличительная особенность Афганистана.

Она существует сама по себе. Её ругают все кому не лень, вертолётчики, водители, бойцы, медсёстры, метеорологи, но не местные жители, столетиями – растущая зелень съедается ими и животными, а сухое собирается для топлива, поэтому здесь кроме камней и пыли – горы со снежными вершинами, бурные реки, глинистые предгорья и тут же, рядом – песчаные пустыни, залитые зноем. Необычайная выносливость пуштунов от природы. Добавьте сюда хладнокровие, зоркость и выдержку. Владение оружием, чему приучают с ранних лет. Участок земли, огороженный дувалом, в углу глинобитная постройка. Это дом. Ни мебели, ни посуды. Бедность – не порок. Это тоже про них, про пуштунов. Обувь, если она есть, оставляют у входа. Женщины в парандже. Не думайте, что это лишь окутанная тканью голова, нет. Черная сетка на уровне глаз. Непроницаема и загадочна. Смотреть на неё, даже такую – запрещено. Могут и пристрелить. Паранджа это не бесправие, а защита целомудрия. При распространенном многоженстве.

За десятилетие войны, любовь то там, то здесь – пыталась уравновесить возможности. При отсутствии статистики, думаю, что проиграла. Множество историй и легенд, красивых и не очень, ходило среди нас, а правдивость не установить. Через пропасть различия культур и религий перекидывались хрупкие мостики. Любовь не подчиняется военным законам. Факты? Десятки уезжали домой с афганками. Десятки остались здесь, именно из-за любви. Каким образом они знакомились? Где встречались? Когда для него выпала та волнующая минута – увидеть её лицо, глаза? Счастливы ли они сегодня? Неизвестно. Хотелось бы. Очень. Чтобы война, эта холодная дама, почувствовала себя уязвленной.

Юрка показывает мне склон, в десятый раз рассказывая, как он подбил того «ангела», увидев красную ракету и проследив за её траекторией, развернул пулемёт, выждал, когда бордач, путаясь в колючках, бросится к спасительным скалам с многочисленными тропами, и – наверняка бы ушёл. Но Юрка обожал свой пулемёт, а тот своего хозяина. Вдвоём они и обрубили тот бег. Напрочь.

Мы закуриваем. Сверху, лунным оком, наблюдает война. Что роится в её мыслях?

Самое страшное на войне преступление – сон. Недалеко от кишлака Мирбачикот моджахеды ночью вырезали весь личный состав вот на таком же выносном посту.

Восьмерых ребят из 682 мотострелкового полка. Такой вот счёт, предоставленный для оплаты – войной. При наступающей сонливости подумаешь об этом, сна – как ни бывало.

Сколько мы спали в нашу первую ночь? Не помнишь?

В окна дышал морозный воздух, рисовал на стёклах развесистые ветви диковинных растений. Мерцал звёздной изморозью. Скрипел снегом под ногами одиноких прохожих.

Горячее сплетение пальцев, ладонь к ладони. Засыпая, и возвращаясь к поцелуям, поднимаясь и опадая волной, потеряв чувство времени – что это было?

С чем сравнима та нежность и искры желаний? Когда устало упав на моё плечо, блаженно закрыв глаза, шептала и шептала не останавливаясь, вздрагивая телом.

Обнимая тебя, бродил в горячих дюнах безбрежной пустыни, пылающей золотом.

В неверном ночном свете отыскивал глазами – твои. Чуть слышно касался лица.

– Какие у тебя нежные руки.

И я, переполненный доверху счастьем, впервые услышав такое, не ответил тебе.

Дождавшись, когда уснёшь, ясно понял, что отныне – таинственное, волнующее, женское, зовущее, томит и манит, разрывает мое сердце. Даже от желания поцеловать ноготок твоего мизинчика, что ярким, маленьким янтарем горит во мне, прошитом насквозь любовью и твоим золотистым локоном.

novem

Увидев в руках более опытных бойцов сигаретные пачки, раскрытые со стороны табачной обрезки, фильтром вниз.

– ?!

– Самосохранение. Даже больной гепатитом, которого ты угостишь сигаретой, не заразит тебя. Фильтры – чистые, а остальное не важно. Понял?

Смекалка всегда была нашей лучшей чертой. Сдвоенные магазины для автомата, перемотанные изолентой, появились здесь, в Афгане. Сам мастерил такие, стараясь красиво уложить клейкую ленту. Отстреляв магазин, необходимо было только щелкнуть язычок его замка, крутануть в руке на 180 градусов, и зафиксировать.

Безымянен, сделавший это первым. Известно только, что война подсказала.

Не из любви – точно. Или с любовью к жизни.

Смысловое значение слова «зелёнка», ставшее впоследствии широко известным определением на местности – выстраданное дитя афганской войны. Под древним городом Герат – важный центр караванной торговли на Великом шёлковом пути, известном за 500 лет до н. э. как персидский Аррейра – в широкой кустарниковой полосе, растянувшейся вдоль городских окрестностей, длительное время скрывались моджахеды. Совершали рейды, перегруппировки, обстреливали из миномётов и прочих видов вооружения наши войсковые части, пока озлобившись, не был нанесён в ответ ракетный удар, разрушивший при этом значительную часть города. Тысячелетние постройки превратились в пыль.

Время было горячим. Шла караванная война. С переменным успехом и возрастающим ужесточением.

Больше всех досталось бойцам сторожевых застав, прикрывающих все важные дороги и большую часть страны от вылазок моджахедов. Потери личного состава в таких подразделениях были самыми высокими – результат работы снайперов.

Добавьте сюда тяжёлые климатические условия, отрезанность от всего мира, постоянную боевую готовность. А питание? А вода? Спросите вы. Только служившие там, расскажут.

Кому повезло вернуться.

Сидя на морском берегу, слушая гул вечности, вдыхая запах водорослей – я рассказывал тебе о Великом шёлковом пути. Меня с детства пленяла эта тема. Твои влажные ступни, с прилипшими песчинками, покачивались в закатных лучах. Лёжа на животе, подперев голову руками жадно слушала, глядя на рисунок, что я долго и старательно выводил на песке.

– Послушай, как прекрасно перекликаются названия Герат – Аррейра! Это же музыка древних цивилизаций.

Мы долго бродили в тот вечер вдоль берега. Накупавшись, с озябшей кожей, грелись на теплых камнях. Садилось солнце. Я взял твою ладонь, и мы одновременно увидели отважного краба, выбравшегося из воды. Подставив спину закату, замер.

Чтобы не мешать нам.

decen

Долгий бархатный день. Ранним утром, торопливо умывшись – помнишь, как я помогал надевать твоё платье? – покидая Ялту, прошли её улочками, любуясь весёлостью домиков и садов, свернули на тропу, ведущую на вершину Ай-Петри.

Миновав водопад, где пройдя по влажной дорожке вдоль зеленой и мокрой гористой стены, постояли, глядя на водяные струи, дыша сырой прохладой в радужном блеске.

Взявшись за руки, без усталости побрели по горному серпантину.

Море с высоты, удивительно синее, с бликами солнца, с языками мраморной воды, лизавшими необозримый простор – это утренний бриз то там, то здесь – рябил и тревожил зеркальную гладь. Воздух лёгок, свеж, напоен ароматом дубовых листьев и можжевельника. С каждым нашим шагом становясь чище и прозрачнее.

Высились сосны. Ясени, пронизанные солнечным светом, с тенистой игрой пятен. Буковые заросли. Одинокие угловатые стволы граба, с серебристо – матовой корой.

Ясно и чётко, как на ладони, лежали в золотом свечении Гаспра и Кореиз. Крошечные улочки стекали с утёсов. Терялись в кронах плодовых деревьев и кипариса.

Утомившись, с горячим блеском глаз, волнуя дыханьем, шла рядом, не выпуская мою руку. Не выдержав волны вожделения, свернули в тень кустарника, познав невыразимую близость, от которой ещё долго и глухо стучало сердце.

Как ненасытны мы были в то лето. В словах и ласках.

Выйдя на смотровую площадку, восторженно замерли перед зияющей глубиной.

Ты непроизвольно сделала шаг назад. Я обнял. Навсегда запомнив разгорячённое тело под мягкой тканью.

Справа, зубцы подпирали пушистые облака, неопратно и жутко нависая над бездной. Внизу, перед нами, в голубом зыбком мареве раскинулся мир. Твой и мой.

Сплошной стеной, без линии горизонта – дивным занавесом – море и небо.

Отдышавшись, в безмолвии и безлюдности яйлы, долго целовал тебя, сладкую, до боли в сердце, до головокружения.

– Я так благодарна тебе.

Шёпот, растворившийся в сентябре.

– Первый взвод! Через полчаса строимся! Для получения боевой задачи!

Мы с Соловьёвым сидим в курилке. Пекло с самого утра. Палящее солнце и сухость воздуха. В капонирах урчат двигателями БТРы. Заметное оживление среди офицеров, собравшихся в тени после завтрака.

– Опять, в какойнибудь кишлак?

Я расстёгиваюсь до пояса, мечтая окунуться в горную речку.

– Хорошо бы, да чтоб вода поближе.

Вчера мы оба писали письма, домой. Проблема у нас – одна. Пишем редко. Понимая, что не надо бы так.

– Что сидим? До построения – оружие чистить! Проверю лично!

Лейтенант Трофимов, минуя нас, нервно поправляет портупею.

Приходится сорваться с места, показывая полную готовность к исполнению.

Про оружие он, конечно не зря. Но не про нас это.

Строились возле капониров с бронетехникой. Трофимов привычно рапортовал командиру роты.

– Взвод! Смирно!

Капитан Агеев, внимательно глядя каждому в глаза – умение редких военачальников.

– Сегодня отправляю вас в боевое охранение автоколонны. Придаю вам два БТР. Взять полный боекомплект! Получить патроны и гранаты сейчас же! На сборы 15 минут!

Командиром назначаю лейтенанта Трофимова!

И обернувшись к старшине добавил.

– Получите суточное довольствие на всех, включая экипажи машин! ИПП не забудьте! Проверить наличие!

Мы – то уже знали; мясные консервы три раза в день, галеты, сгущёнка, чай, карамель, сахар, поливитамины.

Выдаваемый сок выпивали сразу. Не давая себя дразнить в течение суток.

ИПП, это индивидуальный перевязочный пакет. Обычно два-три в «лифчик». Там же восьмисотграммовая фляга с водой, магазины, гранаты. Спички и сигареты.

Резиновый жгут – на приклад автомата. Всегда под рукой.

– Взвод! По машинам!

Тронулись, дружно качаясь на неровностях дороги, в обнимку с оружием.

С Богом!

Проклятая жара.

undëcim

Про финик я знал до Афгана. Что он известен за тысячи лет до н. э.
и часто упоминается в Библии и Коране. Что, согласно легендам, на финике и воде человек мог жить по несколько лет. Что финик изображен на древних стенах Вавилона и Ассирии. Поэтому я носил амулет из финиковой косточки, хранимый до сих пор.

Нас венчали не в церкви.
А суровые горы.
Вместо древнего звона.
Сверху бил пулемет.
И молитву шептали.
Запоздало майоры.
Провожая мальчишек.
В последний полет.
Ну а я – перед боем
и после. Оглохший.
Потемевший от пороха,
пепла и крика.
Находил на груди.
Раскаленными пальцами.
Амулет самодельный.
Из косточки финика.

Иностранец

*...я плакал: чудились мне тучи
и степи Скифии родной!*

В. Набоков

Рисунок автора

Этот город нелегко было обнаружить. От узкого перешейка, гиблого и пустынного, путь всадников лежал по направлению к полуденному солнцу. Степь. Обезвоженная, безлюдная, продуваемая солеными ветрами – стелилась под копытами коней. Дробный топот, хруст высохшей травы и шлейф легкой белесой пыли сопровождали их бег в бесконечном безмолвии. Ни облачка, ни ручейка, ни лужи. От жажды людей и коней спасали колодцы, умело замаскированные по указу хана, обмелевшие, с прогорклой водой, отдававшей известняком. К вечеру, на второй день, впереди призрачно обозначилась горная гряда. Торопливый бег коней начал клониться к западу. Туда, где горы, уменьшаясь в величии и размере, скатывались к морю. Степь осталась позади. Круглились высокие холмы, среди них заросли кустарника, каменные россыпи высохших ручьев. Высились крутые скалистые изломы, древние, меловые, отвесные, как стены крепостей. Земля вздыбилась. Растеклась вправо и влево зелеными уютными долинами. С садами и виноградниками. С отарами овец, тенистой прохладой, невесомым синеватым дымком, уплывающим в лесные заросли. В этом лабиринте только знающий и опытный проводник мог указать верную дорогу. Стремительно упала ночь. Отряд остановился. Спешившись, разминая затекшие от долгой езды ноги, все услышали пение обезумевших цикад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.